

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Новоселовой Евгении Олеговны

«Влияние западной исторической науки

на формирование японской буддологии в конце XIX – начале XX в.»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Конец XX – начало XXI века ознаменовались появлением ряда перспективных исследовательских полей и проектов, нацеленных на осмысление мировой истории в транснациональной перспективе. В историографической практике это означает выход исследований за национальные границы и попытку вернуться к интегрирующему взгляду на историю, но уже на других теоретических основаниях, а именно к рассмотрению истории не столько через ее части, сколько через ее связи. Между тем существует явное противоречие между «интернационализацией» исторических исследований и явным отставанием от этого процесса историй историографии. Большинство историографических обзоров по-прежнему носят националистический характер и в лучшем случае посвящены историографии не конкретной страны, а региона. В этой связи актуальность рассмотрения японской буддологии в перспективе транскультурного трансфера не вызывает сомнения. Эта тема, получающая дополнительное измерение в свете постколониальной критики (культурный и историографический империализм западного человека) требует глубокого и беспристрастного анализа. Е.О. Новоселова совершенно справедливо отмечает европоцентристский характер большинства исследований этой проблематики, показывающих «формирование современных гуманитарных дисциплин в Японии как процесс безусловного заимствования западной научной модели, в то время как существование собственной научной традиции либо не учитывается, либо предполагается полный отказ от нее в пользу западной модели» (с. 4). Однако, помимо этого, тема диссертации представляет несомненный интерес еще в двух аспектах: как с точки зрения динамики японской буддологии, так и в плане изучения интеллектуальной культуры переломной эпохи японской истории, демонстрирующей существенные трансформации во всех сферах жизни общества, включая изменения в сознании, в культурных представлениях, в способах осмысления окружающего мира. Такая многоаспектность придает работе по-настоящему комплексный характер.

Постановочная часть диссертационного исследования в целом не вызывает сомнений. В качестве объекта здесь выступают источники по японской академической буддологии, а в качестве предмета исследования – культурный трансфер западной исторической мысли в становлении японской буддологии в конце XIX – начале XX в. (с. 9). Полагаю, что формулировку объекта можно было изменить на «японскую буддологию как феномен интеллектуальной культуры Японии», поскольку в работе рассматривается не только *академическая* буддология. Не очень удачно, на мой взгляд, сформулирована и цель исследования, заключающаяся в «анализе академизации японской буддологической дисциплины по европейскому образцу на рубеже XIX–XX веков посредством рецепции европейских научных знаний» (с. 10), поскольку *анализ*

всегда является средством изучения (рассмотрение отдельных сторон, частей, свойств) и потому не может быть целью.

Осмысление становление японской буддологии как транскультурного феномена поставило автора перед непростой творческой задачей выбора адекватной стратегии исследования. Таковой стала теория культурных трансферов Мишеля Эспаня и Михаэля Вернера – относительно новая для историографии исследовательская оптика, которую автор, на мой взгляд, успешно адаптировала и творчески применила к собственному исследованию. Решение поставленных в работе задач обеспечивается репрезентативной источниковой базой, хорошим знанием состояния современной историографии и смежных исследований, имеющих отношение к избранной теме. Следует отметить, что представленный во введении историографический обзор свидетельствует о большой работе, проведенной автором, и подтверждает стремление Е.О. Новоселовой к осмыслению как теоретической, так и практической базы исследования. Некоторое удивление, правда, вызывает отсутствие в нем как некоторых актуальных отечественных работ по транскультурному трансферу¹, так и ряду зарубежных изданий². Особенно – сборника «Пересекая культурные границы: историография в глобальной перспективе»³, авторы которого призывают рассматривать любую историографию как комбинацию борющихся внутри нее транскультурных концептов. Тем не менее автору удалось поднять и обобщить наработки по избранной теме историков, филологов, лингвистов, культурологов, религиоведов. Высокая степень их освоения позволила Е.О. Новоселовой решить обозначенные в работе задачи и прийти к интересным научным выводам.

Композиция работы выглядит хорошо продуманной и стройной и соотносится с выделенными автором этапами культурного трансфера: отбором (нем. *selektion*), передачей (нем. *vermittlung*) и рецепцией (нем. *rezeption*) идей (с. 20-21).

В первой главе диссертационного исследования автор останавливается на предпосылках зарождения японской буддологии в период Токугава, рассматривает раннее европейское влияние на буддизм, характеризует роль конфуцианской и нативистской школ в развитии буддийской текстологии в этот период. Особенно следует обратить внимание на несколько аспектов, которые можно характеризовать как ключевые в этой главе. Первый заключается в намерении автора отойти от европоцентристской трактовки развития научного знания в Японии и показать наличие

---

¹ Воробьева О.В. Истории историографии конца XVIII – начала XXI в.: в свете книги г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии» // Диалог со временем. 2011. № 37, С. 45-65; Воробьева О.В. Историография как транскультурный концепт (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. Часть 2. С. 264-273; Воробьева О.В. Пути историографического трансфера: Людвиг Рисс и становление академической историографии в Японии // ЭНОЖ «История». 2019 Т. 10. Вып. 9 (83). URL: <https://history.jes.su/s207987840007795-3-1/>; Воробьева О.В. История и историография Африки в транскультурной перспективе // Африка: постколониальный дискурс. Ярославль, ЯрГУ, 2020. С. 77-104; Цивилизации. Вып. 12: Трансферы в истории и теории цивилизаций / Отв. ред. и сост. О.В. Воробьева. 2021. 344 с. и др.

² Wang E.Q. The Rise of Modern Historical Consciousness: A Cross-Cultural Comparison of Eighteenth-Century East Asia and Europe // Journal of Ecumenical Studies. XL:1-2 (Winter-Spring, 2003). P. 74-95; Burke P. Western historical Thinking in a Global Perspective // Western Historical Thinking. An Intercultural Debate / ed. By Jorn Rusen. Berghahn Books. N.Y.: Oxford University Press, 2002, etc.

³ Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.) Lanham, MD: 2002.

традиции филологической критики источников и выдающихся историографических трудов задолго до появления там европейцев. В значительной мере это было связано с перипетиями конфуцианской традиции, но не только. Второй аспект связан с многоканальным характером исследуемого трансфера, включающим не только европейский, но и китайский, южно-азиатский компоненты, а также роль контрабандной литературы (с. 59), что значительно усложняет картину трансфера идей, а следовательно, требует привлечения исследовательского инструментария перекрестной истории. В частности, именно стремление дистанцироваться от манчжурского Китая как варварского подтолкнули Японию и к созданию нативистской школы в развитии буддистской текстологии, а конкуренция между *кангаку* и *кокугаку* — к совершенствованию исследовательского аппарата и формированию двух полноценных направлений историографической критики на базе синтеза чжусианской и буддийской философии (с. 69-70, 76-77). В качестве третьего аспекта выделяю органический, а не революционный характер рангаку для научной мысли эпохи Токугава (с. 63), что подготовило основу для интеграции западного научного знания в японскую науку.

Вторая глава «Буддологи первого поколения и коммуникативная сеть в процессе рецепции западной научной мысли» посвящена активному этапу трансфера. И если первый параграф показывает сложный социально-политический контекст изучения буддизма в первую половину эпохи Мейдзи, связанный с государственной политикой по разделению синто и буддизма, то остальные посвящены самим культурным медиаторам — лицам и институциям, осуществляющим трансфер между разными культурными пространствами. Показательно, что автор впервые в науке попыталась сконструировать сложную коммуникативную сеть из представителей японского духовенства, первых представителей академической среды, общественных организаций и печатных изданий Японии, с одной стороны, и их европейскими аналогами, с другой — в виде исследователей, в том числе работавших в Японии по найму, и буддистских организаций и изданий. Важнейшими для данной главы можно считать несколько положений. Прежде всего, культурный трансфер рассматривается как взаимный процесс, предполагающий изменения в воздействующей культуре, что не позволяет рассматривать трансфер по аналогии с донорством, т.е. учитывается не бинарная оппозиция — две культуры, одна из которых обязательно осмысливается как культура-реципиент, но конструкция, гораздо более сложная. Е.О. Новоселова показывает, что в процессе трансфера происходило взаимное обогащение религиоведческой дисциплины в обоих культурных пространствах (с. 96-97). Не менее важным является сложный характер восприятия западных идей, отличающийся, как показала автор исследования, от прямого заимствования. Автору удалось продемонстрировать особенность циркуляции западных идей в японском обществе, элементы инерции и активности в их рецепции, наличие разных траекторий и третьих факторов, влияющих на взаимодействие, индивидуальное и коллективное усвоение западных идей, а также формы культурной адаптации, начиная от вкраплений и подражаний до гибридизации и семантических сдвигов. Необходимо отметить, что выбранный автором подход к изучению предмета, включающий в себя не только академический, но и религиозный, а также общественный контексты проблемы, не только стал удобной исследовательской опорой для организации материала, но и существенно повысил доказательную базу исследования.

Вместе с тем необходимо сделать ряд уточнений, связанных с утверждениями и выводами, касающимися немецкого трансфера в Японию. Как отмечает автор, не до конца проясненными остаются причины переключения японских исследователей с англо-французских на немецких ученых. Вслед за Имаи Хироси, Е.О. Новоселова предполагает, что это может быть «связано с панегириками на свержение Якова II, встречающимися в некоторых из подобных трудов, и не согласовавшимися с господствовавшей в обществе идеей единства нации вокруг фигуры императора» (с. 116). Думается, такое объяснение не является достаточным, и здесь сработал комплекс причин, в том числе привлекательность для правящих кругов Японии немецкой конституции (которую японцам еще только предстояло выработать) и жесткой системы управления бисмарковской Германии. Кроме того, интерес к немецкой науке у японцев возник благодаря книге Г. Зерффи, в которой он популяризировал принципы историзма и немецкой исторической школы в целом. Несмотря на то, что Зерффи получил заказ на освещение и обобщение английской и французской историографии, в своей книге он постоянно ссылается на исследования немецких ученых в области конституционной, социальной и религиозной истории, и в количественном отношении ссылки на немецких авторов преобладают. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что Зерффи писал свою работу в десятилетие подавления Парижской коммуны и установления Германской империи, а также всячески поддерживал и уважал новое «прусское» государство. Японцы довольно быстро осознали, что именно немецкая наука является основным центром дискуссий по проблемам исторической науки.

Не менее важны, на мой взгляд, и причины обращения японцев к Г. Зерффи и Л. Риссу – не самым, скажем прямо, выдающимся историкам. Помимо уже указанных в диссертации, хочется привлечь внимание к их еврейскому происхождению, что позволяло им сдержанно относиться к христианству и рассматривать его отстраненно, рационально или вообще практически не обращать внимания (как это, например, делал Рисс при трансляции ранкеанской концепции истории). Кроме того, еврейское происхождение не давало им возможности получить работу в немецких университетах. Отмечу, что автор диссертации не соглашается с Г. Иггерсом и Э. Ваном в том, что они ошибочно записывают Л. Рисса в ранкеанцы (с. 117) на основании того, что «вживую Рисс и Ранке встречались лишь дважды» (там же). Однако данный аргумент говорит лишь в пользу того, что Рисс не мог быть учеником Ранке – не более того, но вполне мог быть носителем его идей. Следует отметить, что Дельбрюк, наставник Рисса, учился у такого известного последователя Ранке, как Генрих фон Зибель, и именно под его руководством защитил свою диссертацию. Судя по работам Рисса, Дельбрюк оказал на него серьезное влияние в плане метода, основанного на критическом подходе к древним источникам, использовании смежных дисциплин (демография, экономика) для проведения широкомасштабных научных сравнений и стремлении рассматривать любую сферу человеческой деятельности как часть культуры. В 1886 году *Прусский ежегодник* опубликовал статью Рисса под названием «Основные проблемы римской истории», посвященную сравнению «Римской истории» Теодора Моммзена и «Всемирной истории» Леопольда фон Ранке. Принципиальное отличие двух подходов Рисс выявил в том, что Моммзен основное внимание уделял национальному фактору, в то время как Ранке всегда мыслил более широко, пытаясь осмыслить всемирно-исторический

процесс в целом⁴. И второй взгляд кажется ему предпочтительным. Данная работа Рисса лишний раз доказывает влияние ранкеанских идей на молодого историка. Об этом же свидетельствуют все его книги, о которых мне уже приходилось ранее писать⁵.

В целом вторая глава оказалась очень важна для раскрытия исследовательской концепции автора, постулирующей неравномерность трансфера для разных групп медиаторов, формирование разных элементов буддологического дискурса разными группами медиаторов, роль в трансфере «третьей» стороны в лице южно-азиатских и китайских буддистов и др.

Наконец, в третьей главе диссертации рассматривается завершение академизации японской буддологии и начало независимой научной традиции, которую автор увязывает со стадией рецепции. В этой части диссертации Е.О. Новоселова сосредотачивает свое внимание на признаках академизации японской буддологии, таких как открытие буддологических кафедр, создание специализированных научных журналов, появление буддологических ассоциаций и независимых буддологических школ, связанных с усилением государственного контроля над образованием и секуляризацией буддизма. Большим достоинством этой главы, на мой взгляд, является то, что диссертанту удалось показать на конкретном материале формирование уникальных буддологических традиций в виде Токийской и Кийотской религиоведческих школ.

В заключение делается вывод о том, что академизация японской буддологии осуществлялась в форме трансфера научной мысли между европейскими и японскими исследователями в форме *культурной адаптации*. Тем самым диссертационное исследование получает свою логическую завершенность. В целом, исследовательский подход, предложенный автором диссертации к изучению темы, выглядит убедительным. Основные положения и выводы работы достаточно продуманы и не вызывают возражений. Помимо рекомендаций, высказанных в отзыве по конкретным сюжетам, выскажу два дополнительных.

Прежде всего, обращаю внимание на условный характер выделенных автором этапов академизации японской буддологии, коррелирующих со стадиями культурного трансфера: отбором, передачей и рецепцией (с. 217). Подобные схемы всегда являются интеллигибельными конструктами, помогающими процессу познания, но в реальности, невозможно представить себе отбор или передачу без элементов рецепции, равно как отсутствие отбора или передачи на этапе рецепции. В этой ситуации скорее можно говорить о преобладающих, нежели четко дифференцированных стратегиях трансфера.

Во-вторых, не могу не воспользоваться ситуацией, чтобы не ответить на критику в свой адрес. Мне кажется, что фраза «некоторые исследователи называют Хаяси Радзан, ссылаясь на Джона Бронли, “первым профессиональным историком” Японии», рассмотрена вне контекста. Ибо в самом начале моей совместной с И. Вуколовой статьи (равно как и в других моих публикациях) мы как раз и пишем о том, что «профессиональные исследовательские каноны

---

⁴ См. об этом: Yoichi Nishikawa. „Genius des Okzidents“: zur Bedeutung der deutschen Geschichtswissenschaft für das moderne Staatsdenken in Japan // Zeitschrift für Staats- und Europawissenschaften. 2007. Vol. 5, Issue 3–4. [S. 334–357]. S. 338.

⁵ Rieß L. Notes of a Course of Lectures on Universal History. 2nd edition. Vol. 1. Tokyo, 1897; Rieß L. Notes of a Course of Lectures on Methodology of History, First Part, Tokyo, 1896; Rieß L. Methodology of History. Tokyo: Tokyo University Library.

начали формироваться в Японии задолго до появления здесь собственно научной традиции», Называя Хаяси Радзан «первым профессиональным историком», Бронли всего лишь хотел подчеркнуть его заслуги в применении конфуцианского аналитического инструментария к сравнительному анализу древних японских текстов, выявлению в них анахронизмов и сомнение в божественном происхождении императора Джинму. Кстати, в своей книге Бронли приводит и более ранних японских исследователей, безусловно внесших свой вклад в развитии критического взгляда на источники. Именно поэтому мы сослались в своей статье на Бронли и взяли его слова в кавычки, подчеркивая контекстуальный характер этого высказывания. Далее автор диссертации пишет, что «первоочередной задачей Хаяси Радзан было не столько установление эмпирической истины, сколько доказательство превосходства чжусианской философии за счет критики источников... Поэтому его сложно характеризовать как профессионального историка, заинтересованного в беспристрастной оценке исторических процессов» (с. 40). В ответ на это, считаю необходимым подчеркнуть, что целеполагание у историка может быть разным, главное, к как он работает и к каким выводам приходит. Равно как можно усомниться в самой возможности полной беспристрастной оценки, т.к. историк никогда не находится в нейтральной позиции.

Приведу другое критическое высказывание на страницах диссертации: «исследователи подчеркивают, что японская история воспринималась чем-то сакральным и обособленным, и потому традиционно не преподавалась, и только конфуцианцы бросили вызов традиции. Этим же аргументируется более позднее введение японской истории как академического предмета в сравнении с историей западного мира» (с. 36). Замечу, что в нашей статье мы нигде не пишем о том, что именно конфуцианцы, якобы, бросили вызов обособленности японской истории. Наша фраза в статье звучит следующим образом: «В то время японская история по-прежнему читалась в курсе других (как правило, филологических) дисциплин — такова была сила прежней традиции: японская история не могла стоять в одном ряду с историями другими стран». Действительно, в 1887 году в Токийском университете существовала только кафедра европейской истории, японская же история изучалась в рамках отдельной Историографической службы, которую по просьбе президента Токийского университета Ватанабэ Коки лишь в 1888 году присоединили к Токийскому университету, ссылаясь (sic!) на важность распространения на историю Японии научных (читай — западных) методов. И уже через месяц после этого Людвиг Рисс (предположительно, по договоренности с руководством) представил меморандум, в котором предлагалось создать факультет истории Японии⁶.

Однако отмеченные разночтения в интерпретациях носят частный и дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования. Актуальность избранной темы, ее научная разработка и аргументация важнейших положений позволяют говорить о новаторстве диссертационного исследования Е.О. Новоселовой. Думается, что представленные в диссертации исследовательские подходы и результаты могут представлять значительный интерес для отечественных историков и использоваться в учебном процессе высшей школы. Таким образом, диссертационная работа Е.О. Новоселовой представляет собой

---

⁶ *Riess, Ludwig*. Memorandum to President Watanabe Hiromoto // Tokyo Teikoku Daigaku Gojunen Shi [Fifty-Year History of Tokyo Imperial University]. Tokyo Imperial University, 1932. P. 1299–1303.

самостоятельное законченное исследование, обладающее научной новизной, теоретической и практической значимостью. Автореферат соответствует содержанию диссертации, публикации автора отражают основную проблематику темы.

Диссертация соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт востоковедения РАН», а ее автор Новоселова Евгения Олеговна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Отзыв представлен в диссертационный совет ИВ РАН 24.1.041.01.

Официальный оппонент:

Воробьева Ольга Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
историко-теоретических исследований,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт всеобщей
истории Российской академии наук

Воробьева О.В.
Заведующий отделом кадров
ИВ РАН
М.П. [подпись]

ФГБУН Институт всеобщей истории
Российской академии наук
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А,
+7(495) 938-13-44,
dir@igh.ru

30 января 2026 г.